

ПОРФИРИЙ ФЕДОРИН

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

Москва, 2021

«В естественной среде гораздо меньше опасность испытать отчуждение от реальности. В поле и лесу, и мире животных, сокрытом там, даже в любом саду реальность воспринимается как более реальная, старая, глубокая и более удивительная, чем что-либо, созданное людьми, как нечто вечное, что останется после того, как безжизненный, механический конкретный мир снова исчезнет, придет в упадок и разрушится. В побегах, ростках, цветах, плодах, отмирании и возрождении растений, в их взаимоотношении с солнцем, чей свет они превращают в химическую энергию в виде органических соединений, из которых построено все живое на земле; в растениях проявляется та самая таинственная, непрестанная, вечная жизненная энергия, которая порождает нас и снова забирает нас в свое лоно, где мы покоимся и соединяемся со всем живым».

Альберт Хофманн

Порфирий Федорин родился в Москве 12 ноября 1986 года. Будущий художник воспитывался в творческой атмосфере, наполненной поэзией и глубоким интересом к мировой культуре и истории живописи.

Дед Порфирия по материнской линии заведовал кафедрой инженерной психологии в МГУ, бабушка — декан кафедры английского языка МГЛУ. Дед по отцу был физиком–изобретателем, а бабушка — детским психологом и писательницей. Мама Порфирия — ветеринарный врач, сейчас преподаватель йоги. Порфирий часто ассистировал ей на операциях: трепетное отношение и любовь к животным впоследствии не могли не отразиться и на его творчестве. Отец будущего художника был ярким и харизматичным человеком, интересовался историей и метафизикой. Брат Алексей посвятил себя искусству сакральной татуировки и живописи танка, сейчас живет и работает в Америке.

Творческая атмосфера в доме и разносторонние увлечения родителей воспитали удивительное художественное видение Порфирия. Сюжеты его картин отсылают к поэзии мифологических образов и архетипов. Мистическая вселенная художника наполнена изящными, но неизменно ироничными историями, от трогательно–тревожных до эксцентрично–вызывающих, от интимно–сакральных до масштабно–космогонических. Философские и художественные поиски привели его к обучению иконописи, а потом и к занятиям живописью.

В 2007 году он присоединился к арт-группе ПВХ («Просто Великие Художники»), в составе которой на тот момент были Виктор Пузо, Алексей Сергеев и Борис Акимов. Порфирий Федорин стал ее четвертым участником. В составе ПВХ он начал активную выставочную деятельность в городах России и за рубежом.

В 2008 году он знакомится со своей будущей женой Ольгой, фотохудожником и психологом. Близкие эстетические и творческие ориентиры вначале делают Ольгу ученицей Порфирия, а вскоре приводят художников и к написанию совместных картин. Сам же Порфирий с тех пор создал немало работ, вдохновляясь любимой: образ Ольги становится метафоричным и узнаваемым во многих персонажах его метафизических сюжетов. В 2011 году у пары родилась дочь Алиса. С тех пор тема детства глубоко и осмысленно проникает в сюжеты картин. Живописными персонажами становятся и два любимых кота Кумар и Кузя, которые нарушают все законы пространства и времени, мелькая на полотнах древних мифологических историй.

С 2010 по 2014 год Порфирий Федорин участвовал в ряде выставочных проектов группы «Колдовские художники» как индивидуально, так и в составе группы ПВХ.

В 2014 году художник переехал с семьей в Санкт-Петербург, где прожил на Васильевском острове до лета 2018-го. Период жизни в Северной столице можно обозначить как один из наиболее продуктивных — здесь живописец заметно расширил масштаб и тематику своих произведений. Теперь особое место в работе со структурой и онтологией окружающего пространства стал занимать пейзаж. Туманный, архитектурный, полный тайн и загадок Санкт-Петербург поселился на картинах художника вплоть до возвращения домой в Москву. В это время картины Порфирия Федорина стали частью коллекций музея Эрарта, Музея искусств Санкт-Петербурга и Одесского художественного музея.

Вернувшись в 2018 году в Москву, Порфирий продолжает работать в своей мастерской, осваивает различные техники: графику, линогравюру, VR, создает объекты.

Собственный узнаваемый стиль художник определяет как космогонический сюрреализм, виженари–арт.

1

Gloria ad singultum et in lappa

Вспоминаю совершенно неживописное давнее впечатление: меня притягивали огромные очи хрупких персонажей холстов Порфирия Федорина. Они каким-то образом пронзительно и в то же время наивно вглядывались в меня как-то вскользь, ничего не пытаясь во мне различить, но вызывали сложную ответную эмоцию — ничем необъяснимого сочувствия и простодушного любопытства, будто я помимо своей воли приоткрывался такому прониканию. Будто я хотел знать что-то очень важное про них и недоуменно спрашивал: «А откуда вы такие будете? А кто ваши родители, да и есть ли они вообще, не плод ли вы партеногенеза? А что же будет с вами дальше, когда придут настоящие холода?»

Будто я вчитывался в краткое стихотворение Осипа Мандельштама «О бабочка, о мусульманка...», наслаждаясь его прозрачной звуковой ясностью и одновременно постигая его туманный убегающий смысл, который мне никогда не удавалось накрыть пониманием, как бабочку рампеткой. Это было чем-то похоже на зарождение мысли-догадки, ускользающей скорее, чем возникает конечная формула умопостижения.

Вообще созерцание живописи само по себе всегда беспомощно, оно нуждается в культурном фундаменте, ведь ничего не падает с Луны, и без радости узнавания невозможно рассматривать даже водную поверхность в ясный день. Нам необходимо достраивать контексты, прояснять язык, на котором с нами говорят, обретать новый словарь и соглашаться с грамматическими правилами.

И культурные воспоминания, приходящие на ум при разглядывании работ Порфирия Федорина, были примерно таковы: «сериалы» раннего итальянского возрождения, развернуто в эпизодах трактующие Святое Писание или общеизвестные чудеса праведников во славу Господа; сосредоточенные и самоуглубленные клеммы русского икононого письма, излагающие страдательные или героические сюжеты разнообразных подвигов; раннехристианские фрески, исполненные мотивов людского благорасположения и приятия высшей воли как дара и озарения.

Сначала это сопоставление показалось мне несколько натянутым, так как в соболезнующем по большому счету почерке художника я не мог не различить и глумливый наклон, и какой-то самоуничижительный мелос, повторяющиеся обороты и издевку, но совершенно очевиден мне был и детский страх всеильного, неожиданно настигающего *singultus*'a, делающий нас, собирающихся о чем-то важном повествовать, смешными и беззащитными.

Этот эффект сложно обрисовать в независимых терминах без захода на травматическую территорию, но то, что художник «подставляется», было для меня несомненным, и это сразу

Любитель цветов / Buds Lover
29,7 × 21 см. Бумага, пастель / Paper, pastel. 2021

вызывало эстетическую заинтересованность в его будто бы вычурном письме, будто он таким образом приоткрывал и меня, созерцателя его трудов.

Но важно отметить и иное, ведь известно, что именно в «рассеянности» и слабости заключена множественная сила искусства, не дающая возможности его позабыть, в отличие от «политического» навязывания ясных векторов и необоримых доминант, притворяющихся зримой силой, но на самом деле совершенно не нуждающихся ни в каких наших искренних комментариях. То есть, попросту говоря, зримой силе и мощи мы, созерцающие ее, совершенно не нужны.

У Порфирия Федорина случай был совершенно иной — мне почудилось, что он просто бы погиб без моего интереса. Он в нем искренне нуждался и не стеснялся мне об этом заявлять.

И этот парадокс показался мне чрезвычайно плодотворным, переусложненным и глубоким.

Это, так сказать, очерк первого прикосновения, далекого еще от анализа, но отворяющего створки приязни и искреннего интереса.

2

Дальше мне хочется описать мир этих «серий», так как одним из главных свойств лексики художника оказывается проницаемость сюжетной связности изображаемых историй, простых и наивных на первый взгляд, бурлескной подвижностью его пластического языка, при всей игривости и изменчивости обладающего силой обобщения. Будто он все время комментирует некое известное не только ему, но и всем таинственное писание посредством своего аллюзивного живописного письма, одновременно поверхностного, наивного, но при этом удивительно углубленного. Ядовитого, гротескного и каким-то образом при этом распахнутого в благорасположении к созерцателю его трудов. Такой парадокс бывает свойственен сказкам и легендам, где злое и вредоносное оказывается после долгих опасных перипетий поучительным и душеспасительным.

Меня все время занимал непростой вопрос: каким образом художник комментирует метафизический корень своих живописных фантазий, что он делает для того, чтобы не предстать «говоруном», нагружающим зрителя многими подробностями, как он балансирует на грани комического и серьезного, оставаясь пластичным и трогательным?

Может быть, ему удастся «комментировать» живописными средствами свои собственные сюжеты в том же темпе, как и нам, его зрителям, начавшим разгадывать сюжетное устройство картин, переходить к безъязыкому контакту с бессюжетным континуумом цвета и границ? Так в жизни, встречая немого человека, мы вдруг осознаем, что поймем его только на пределе искренности, благорасположения и самоотдачи. Будто для самого беззаветного понимания нам в других нужен изъясн, примерно такой, как немота, ведь мы должны, не имея языка, каким-то образом одолеть ее, чтобы объяснить.

Вот по этой причине распахнутые колориты Порфирия Федорина, поначалу обжигающие, едкие и опасные, как пожар на химическом заводе, при долгом созерцании предстают безъязыким трепетным усилием, без которого понимание его пластической лексики невозможно. Он таким образом будто одолевает «дефекты речи» своего вычурного мира, переводит его в регистр благорасположения и откровения. Конечно, он находится на грани, с которой страшно низвергнуться, но каждый раз непостижимым образом удерживает баланс.

Это похоже вот на что: в компании союзников, давно отменно понимающих друг друга, оказывается один персонаж, который заикается (ларра). Но когда он начинает «трудно говорить», то всем прочим приходит осознание того, что суждение, высказанное затрудненной речью, обретает многократную убедительную силу. Почему? Потому что язык в дикции заикающегося обретает неодолимую силу ясности и сам становится волей к пониманию.

Примерно такое встречается в новой музыке, когда инструментальные партии поручаются «приготовленным» инструментам, и смещенные хроматизмы вдруг предстают не результатом разрушения привычного, а новой выразительной силой, способной понуждать к согласию с языком сочинителя. И странная гармония предстает искренностью, то есть тем, без чего искусство невозможно.

Хочется заострить внимание на том, как художник в своей пейзажной практике прибегает к фронтальной «съемке» пленэров, подчеркивая плоскостную театральность зримого мира, погружает его в едко декоративный тон. Просвечивающие планы, как в рукодельном вертепном театре, легко спускаются с каких-то надмирных колосников, и на этой сцене может разворачиваться действие, эпизоды которого потом переключаются в картины. Ведь художник постоянно убеждает нас, что все связано житийной историей, которую непременно пропишут «евангелисты», потому что разрозненные сюжеты писания уже есть, они наличествуют, и пафос соболезнования, с которым они предъявлены нам, не дает усомниться в их подлинности.

Художник разворачивает историю собственной веры в свой мир, это череда эпизодов-откровений, он безбоязненно показывает нам, как он был осенен, как уверовал в собственное искусство. Ему помогала в этом пафосном деле соболезнующе-глумливая пластика, которая примиряет невыносимые в обыденном существовании откровения с искренностью идентичности, вдруг понимаемые нами как необходимость существования искусства.

Как показалось мне, Порфирий Федорин пытается доказать нечто, будто бы очевидное, но не такое, что все знают или хотя бы подразумевают, а такое, что постоянно нуждается в поиске доказательства, потому что его не то что утеряли, а попросту забыли, хотя доподлинно знали. Может быть, это и есть напоминание того, что вера, скорее всего, существует, есть, наличествует. Но для этой процедуры необходим язык, тот же самый, что и у всех, но произнесение слов на нем потребует очень больших жертв. Он в зримом поиске невыразимого слова, потому что ему надо воплотить того, кто уже нас покинул, потому что позднее слово предстает значительнее всех ранних изображений. Но Порфирий Федорин самоотверженно решает обратную задачу.

Эти изображения способны породить речь.

«Он был очень красноречив, с веселым лицом и приятного вида, в котором не было ни лени, ни высокомерия. Он был роста скорее низкого; голова его была круглой, лицо — чуть длинным и выдающимся вперед, лоб — маленьким и плоским. Брови его были прямыми, нос — ровным, тонким и прямым, уши оттопыренными, но маленькими, виски — ровными.

Его язык был пылким и острым, вкрадчивый голос — чистым и звонким; у него были белые и ровные зубы, маленькие и тонкие губы, черная редкая борода, тонкая шея, прямые плечи, короткие руки, худые кисти, длинные пальцы и ногти, стройные ноги, маленькие ступни и деликатная кожа. Был он худощавым и грубо одетым....»

(Из жизнеописания Св. Франциска Ассизского)

Николай Кононов, во славу картавости и заикания
об искусстве Порфирия Федорина.

Николай Кононов — поэт, прозаик, арт-критик, куратор.

Котята Олоферна / Holofernes Kittens
29,7 × 21 см. Бумага, пастель / Paper, pastel. 2021

Мы виделись с Порфирием Федориным всего один раз, в 2013 году в Москве, на открытии моей выставки. Но я давно с неизменным интересом и симпатией слежу за всем, что он делает.

Порфирий наследует традиции наивного искусства, лубка и ретабло, готики и архаики, иконы и народной картины. Его прямые предшественники — очень непохожие друг на друга, иногда даже несовместимые и несопоставимые художники. Это и Босх, и сюрреалисты, и Фрида Кало, и Наталья Нестерова, и Леонид Пурегин.

Порфирий Федорин конструирует свою личную мифологию, она же «космогония». Он соединяет гротеск и лирику, мистику и эротизм, брутальность и визионерство, inferнальность и метафизику, языки наивного искусства, музейной классики, модернизма XX века и трансавангарда. Переплавленное в алхимическом тигле, все это превращается в инопланетное искусство.

Так что, как видите, все просто. Попытка Порфирия Федорина «приоткрыть дверь между видимыми и невидимыми мирами визуальными средствами» удалась.

Александр Ройдбурд, художник

ПРОСТО ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

Порфирий Федорин — удивительный мастер! Он видит то, что многие увидеть не могут. И он, конечно же, делится этой возможностью со своими зрителями.

Любовь к миру, любовь ко всему живому, любовь к ближнему и глубочайшее познание мира — вот основные правила жизни Порфирия. Полагаю, что уроки иконописания предопределили его дальнейшую судьбу и выбор жизненного пути.

Его произведения наполнены тайнами и загадками, постичь и разгадать которые очень непросто. Это библейские и христианские сюжеты, портреты, пейзажи и натюрморты. Во всех его произведениях мы можем наблюдать метаморфозы развития личности и таланта художника.

Мое первое знакомство с Порфирием и его творчеством состоялось довольно давно, и это была «любовь с первого взгляда». Я очень рад, что мир наконец-то увидит каталог произведений Порфирия, и все желающие смогут познакомиться и насладиться творчеством «просто Великого Художника».

*Сергей Богатырев, заместитель директора частного
Музея русской иконы, вице-президент ИКОМ России, искусствовед*

БУДКА ДЛЯ МЕДИТАЦИЙ

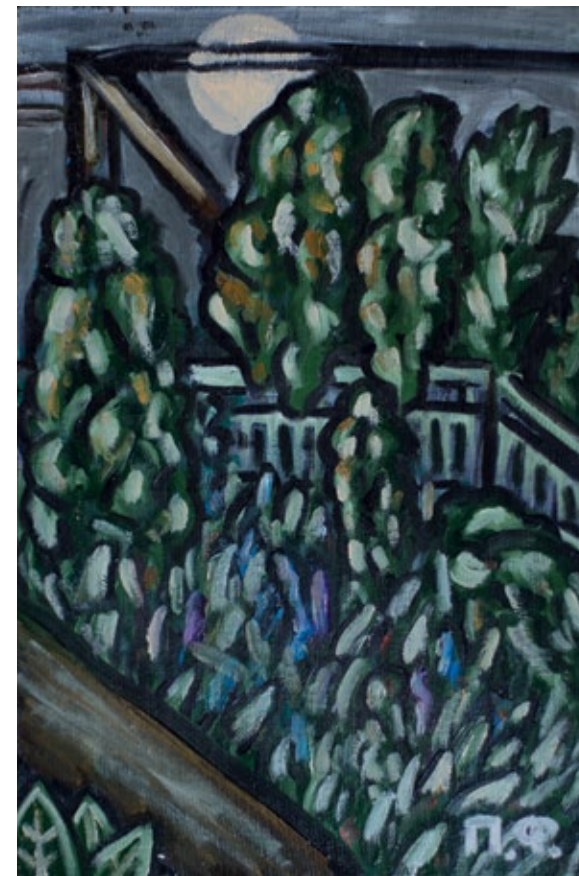
«Наличие у человека такой будки в темном лесу зачастую не указывает на его способность левитировать».

Ричард Канс

Садик / Garden
144 × 98 см. Холст, масло / oil on canvas. 2013

Дача / Bower
Холст, масло, темпера / oil on canvas, tempera. 2012

Завтрак на воде / Breakfast on the water
24 × 18 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2013

Домики и скалы / Houses and rocks
30 × 30 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2013

Скала / Rock
30 × 30 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2013

Лес пней / Stumps forest
30 × 60 см. Холст, масло / oil on canvas. 2014

Весна / Spring
24 × 18 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2015

Гроза / Storm
30 × 30 см. Холст, масло / oil on canvas. 2019

Пейзажик / Scary landscape
Картон, масло / oil on cardboard. 2006

Химки / Khimki
30 × 30 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2013

Без названия / Untitled
Холст, масло / oil on canvas. 2009

Вечер, режут мак / Evening, poppy harvesting
30 × 40 см. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2013

Без названия / Untitled
Холст, масло / oil on canvas. 2009

Индустриализация / Industrialization
Картон, масло / oil on cardboard. 2010

Котельная / Boiler house

100 × 120 см. Холст, масло / oil on canvas. 2020

Перевернутый слон / Inverted elephant
50 × 70 см. Холст, масло / oil on canvas. 2018

ТЭЦ / Thermal power station
100 × 120 см. Холст, масло / oil on canvas. 2020

Исполнитель желаний / Wishmaster
45 × 45 см. Холст, масло / oil on canvas. 2015

Башня Милосердия / Tower of Mercy
35 × 50 см. Холст, масло / oil on canvas. 2016

Бхагаван наш командир / Bhagavan is our commander
90 × 60 cm. Холст, масло / oil on canvas. 2016

Слезы земли / Tears of the Earth
50 × 50 cm. Холст на картоне, масло / oil on canvas on cardboard. 2016